

К пятилетию со дня смерти Ильфа

Мы вместе поднимались в лифте. Ильф жил на четвертом этаже, я -- на пятом, как раз над ним. Мы прощались и говорили:

- Так завтра в десять?
- Давайте лучше в одиннадцать. -- Як вам или вы ко мне?
- Давайте лучше вы ко мне.
- Так, значит, в одиннадцать.
- Покойной ночи, Женя. -- До завтра, Илюша.

Железная дверь лифта тяжело, с дрожанием закрывалась, тряслась металлическая сетка. Я слышал, как Ильф звонил у своей двери, Лифт со скрипом поднимался еще на один этаж. Я выходил на площадку и слышал, как внизу хлопала дверь.

Так было почти каждый день, потому что писатель должен писать, и мы с Ильфом встречались каждый день и писали. Я вспоминаю, что вначале, когда мы стали писать вместе, мы не только сочиняли каждое слово, сидя рядом или друг против друга за столом (это было вроде двух пианистов, исполняющих пьесу на двух роялях), но писали вместе даже деловые письма и вместе ходили по редакциям и издательствам.

Привычка думать и писать вместе была так велика, что, приступая к сочинению нашей последней книги -- "Одноэтажной Америки", которую мы писали порознь, по главам, мы очень мучились. Ильф был уже болен в то время, и мы жили летом тридцать шестого года в совершенно противоположных дачных районах. Мы составили план и, так сказать, для затравки вместе написали первую главу. Потом разъехались по домам, распределив, кто какую главу будет писать. Мы решили встретиться через месяц с громадными рукописями.

Помню, что я просидел за пустым листом бумаги целый день, и целую ночь, и потом опять целый день -- и не мог сочинить ни строчки. Все мешало мне -- и собачий лай, и гармоника, и радио на соседней даче, и даже вороны, устроившие базар на высоких елях.

В отчаянии я поехал к Ильфу в Красково, где он снял на лето маленький домик. Там была песчаная почва и сосны, и считалось, что это подходящее место для больного туберкулезом.

Ильф очень мне обрадовался, даже как-то неестественно бурно обрадовался. Мы сразу же, как заговорщики, ушли в сад. Меня он усадил в гамак, а сам сел рядом на скамеечку.

- Знаете, Женя, -- сказал он, -- у меня ничего не получается.

Он снял свое маленькое голое пенсне с толстыми, толщиной в мизинец, стеклами, протер глаза костяшками пальцев, снова надел пенсне и посмотрел на меня как встрепанный.

Я сказал, что приехал к нему с такой же печальной новостью. Мы даже не рассмеялись. Дело было слишком серьезное. Мы долго думали и наконец решили, что нас обоих устрасил объем задачи и что нам следует написать всего лишь по одной главе -- и тогда я приеду к нему, мы выправим рукопись, подробно обсудим следующие две главы, снова встретимся и так далее, пока не кончим книгу. Мы решили писать смело -- ведь все равно потом мы вместе будем править.

Я очень волновался, когда через три дня ехал к Ильфу со своей первой в жизни самостоятельно написанной главой. Никогда я так не боялся критики, как тогда. Сначала Ильф показал мне свою главу. Пока я читал ее, он то заглядывал мне через плечо, то прохаживался по террасе, тяжело дыша. Видно, он испытывал то же чувство, что и я.

Я читал и не верил своим глазам. Глава Ильфа была написана так, как будто мы написали ее вместе. Ильф давно уже приучил меня к суровой критике и боялся и в то же время жаждал моего мнения, так же как я жаждал и боялся его суховатых, иногда злых, но совершенно точных и честных слов. Мне очень понравилось то, что он написал. Я не хотел бы ничего убавить или прибавить к написанному.

"Значит, выходит, -- с ужасом думал я, -- что все, что мы написали до сих пор вместе, сочинил Ильф, а я, очевидно, был лишь техническим помощником".

- Мне нравится, -- сказал я, -- по-моему, ничего не надо изменять.

-- Вы думаете? -- спросил он, не скрывая радости. -- Когда я работал, мне все время казалось, что я пишу какую-то чепуху.

Я вынул из бокового кармана свою главу и хотел было сказать: "Теперь прочтите этот бред" или что-нибудь в таком же роде, но не смог произнести ни слова. Я молча протянул ему рукопись. Я всегда